

Я готов по капле отдать всю свою кровь за Христа моего...

ЖИЗНЬ И ИСПОВЕДНИЧЕСКИЙ ПОДВИГ
АРХИЕПИСКОПА ДАНИИЛА (ТРОИЦКОГО)

К 90-летию преставления

Поиск и изучение сведений о приснопамятном архиепископе Брянском и Севском Данииле (Троицком; 1887–1934) были начаты в 2002 году по благословению епископа Феофилакта (Моисеева). Старший брат архиепископа Даниила — священномученик Иларион, архиепископ Верейский; младший — священник Алексей, убиенный в 1937 году за Христа на Бутовском полигоне. Их братская любовь утверждалась на единении духовных устремлений и жертвенном служении Богу и Его Святой Церкви, на исполненной делом решимости пострадать за Христа. Архиепископ Даниил непримиримо боролся с обновленчеством, противостоял «григорианскому» расколу. Проповеди его производили неизгладимое впечатление. Учил, что для пастыря важно уметь воспринять истину не умом только, но, главное, сердцем и передать это горение духа пасомым. Даже краткое общение с архипастырем люди запоминали на всю жизнь. Он участвовал в хиротонии священноисповедника Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа Симферопольского и Крымского. Его почитал как своего духовника Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен. Архиепископ Даниил усердно совершал служение на Елецкой, Болховской, Рославльской, Орловской и Брянской кафедрах. Венцом его богоугодной жизни стали блаженная кончина и почитание народом Божиим.

Архиепископ Даниил (в миру Димитрий Алексеевич Троицкий) родился 6 октября 1887 года в селе Липицы Каширского уезда Тульской губернии (ныне Серпуховский район Московской области) в семье священника Алексея Петровича Троицкого и его супруги Варвары Васильевны. В 1902 году окончил по второму разряду Тульское духовное училище, в 1909 году — Тульскую духовную семинарию со званием студента, в 1913 году — Императорскую Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата

богословия второго разряда. Его курсовое сочинение на тему «Происхождение и состав русского иконописного подлинника» в ряду обративших «на себя особое внимание своими достоинствами» было удостоено почетных отзывов заслуженного ординарного профессора Н. В. Покровского и профессора-протоиерея А. П. Рождественского¹. В 1911–1913 годах обучался также в Императорском Санкт-Петербургском археологическом институте, который окончил со званием действительного члена².

Архиепископ Даниил (Троицкий). Фото из Личного архива протоиерея Сергея Полякова (г. Москва)

Не страшны мне гонения, воздвигнутые на Церковь Христову, не страдаю, боюсь я — я готов по капле отдать всю свою кровь за Христа моего, но только бы знать, только верить, что мои страдания принесут пользу Святой Церкви.

Архиепископ Даниил (Троицкий)

Священник
Алексий Троицкий
с детьми. Слева
направо: Вла-
димир, Алексей,
предположительно,
Ольга, София,
Димитрий.
База данных
ПСТГУ
(слева)

Иеромонах Даниил
(Троицкий).
База данных
ПСТГУ (справа)

С 16 августа 1913 года Димитрий Троицкий был определен на должность преподавателя гомилетики, литургики и практического руководства для пастырей в Холмскую духовную семинарию³. Архиепископ Холмский и Люблинский Евлогий (Георгиевский; 1868–1946) 28 сентября 1913 года совершил постриг Димитрия в монашество с именем Даниил (в честь пророка Даниила), 30 сентября рукоположил его во иеродиакона и 1 октября — во иеромонаха.

Благодаря усердию нового преподавателя литургики и гомилетики 25 января 1914 года при Холмской духовной семинарии был основан пастырско-проповеднический кружок. В своей речи при открытии кружка «Проповедь в пастырстве» иеромонах Даниил говорил: «Может ли пастырь Церкви равнодушно смотреть, как его пасомые страдают и мучаются? Может ли он остаться безмолвным при виде этих алчущих и жаждущих правды? Чистое, живое, убежденное проповедническое слово должно утешить скорбящих, поддержать падающих, научить неведущих, наставить заблудших»⁴.

Двадцать шестого августа 1914 года иеромонах Даниил был перемещен на должность преподавателя в Тульскую духовную семинарию по кафедре Священного Писания. В «Тульских епархиальных ведомостях» опубликованы его статьи: библиографические — о новых изданиях; о новом предмете в духовных семинариях

(церковной археологии), а также проповедь. При служении Акафиста Страстям Христовым 27 марта 1916 года он произнес слово «Распни Его!», в котором говорил: «Почему в настоящее время служители Церкви подвергаются насмешкам, оскорблениям? Потому что теперь все более и более начинают ненавидеть Христа Спасителя. И кто знает? Может быть, приближается время, когда эта ненависть от скрытой, тайной перейдет в явную и открытую. Тогда возвратятся времена первых веков христианства с мученичеством за Христа с дерзновенным исповеданием Его имени»⁵.

В 1915 году иеромонах Даниил был награжден набедренником, в 1916 году — наперсным крестом, от Святейшего Синода выдаваемым⁶.

По ходатайству священномученика Серафима (Остроумова; 1880–1937), в то время епископа Орловского и Севского, определением Святейшего Синода от 28–29 сентября 1917 года будущий архипастырь был назначен настоятелем Болховского Троицкого Оптиного монастыря Орловской епархии, с освобождением от духовно-учебной службы⁷.

Иеромонах Даниил стал действительным членом Орловского церковно-историко-археологического общества и председателем его Болховского Макарьевского отделения, наименованного в честь погребенного в Болховском Оптином монастыре архимандрита

Макария (Глухарева; 1792–1847), в 2000 году прославленного в лике преподобных⁸.

После большевистского переворота начались открытые гонения на Русскую Православную Церковь. Десятого февраля 1918 года иеромонахом Даниилом было прочитано в Болховском Оптином монастыре Послание Святейшего Патриарха Тихона (1865–1925) от 19 января / 1 февраля в связи с убийством священномученика протоиерея Петра Скипетрова (1863–1918) «и сказано с огромным подъемом и воодушевлением соответствующее слово. Послание Патриарха и слово настоятеля произвели на молящихся потрясающее впечатление. Женщины рыдали, мужчины, с загоревшимися гневом глазами, категорически заявили: "Не отдадим извергам на поругание храмы Божии и святыни!"»⁹ По примеру Петрограда и Москвы, в городе Орле 15 февраля был устроен грандиозный крестный ход, в котором участвовало до 20 тысяч верующих. В конце молебна иеромонах Даниил произнес слово, в котором «призывал православный народ стать на защиту своей Матери-Церкви и дать в этом торжественную клятву пред лицом архипастырей. В ответ на призыв со всех сторон раздалось громкое "Клянемся!"»¹⁰. Одиннадцатого февраля 1931 года один из свидетелей хода показывал, как он слышал, «что епископ Даниил в своей речи [15.02.1918] громил безбожник[ов] и что

его речь была потрясающая и соответственно подействовала на толпу»¹¹.

В 1918 году ко дню Святой Пасхи иеромонах Даниил «за отлично-усердную его службу» был награжден саном архимандрита¹². В сентябре того же года он отправился в отпуск, затем пребывал в городе Орле, временно исполняя обязанности члена Епархиального совета, после чего по причине отступления Красной армии и эвакуации Болхова вынужден был скрываться и вернулся в монастырь 8 ноября 1919 года¹³.

В октябре 1917 года иеромонах Даниил обнаружил в ризнице монастыря предметы большой ценности и принял решение, ввиду совершившихся в то время повсеместно грабежей, хранить их в потайных местах. Иеромонаху Ксенофонту было поручено спрятать вещи. В декабре 1918 года во время длительного отсутствия в монастыре настоятеля сдачу монастырского имущества представителям власти и передачу их религиозной общине при монастыре производил иеромонах Ксенофонт, который скрыл от представителей власти и от общины спрятанные им предметы церковной утвари. Летом 1920 года обстоятельства хищения вскрылись. Следствие первоначально велось болховской милицией. Епархиальная следственная комиссия провела самостоятельное расследование и пришла к выводу, что к пропаже вещей причастен только иеромонах

Троицкие. Слева
направо: архимандрит
Иларион,
иеромонах
Даниил, Алексей,
Ольга.
Архив Издательского
совета
Русской Православной
Церкви
(слева)

Архимандрит
Даниил (Троицкий).
Серпухов.
17 октября 1918 г.
Фото из личного
архива
К. А. Никитского
(г. Тула)
(справа)

Ксенофонт, который скрылся. Архимандрит Даниил с 25 февраля 1921 года находился под подпиской о невыезде¹⁴.

Пришло время, когда Господь призвал Своего верного служителя на архипастырский подвиг. Ему пришлось 14 апреля 1921 года получить разрешение болховского угрозыска на отлучку в Москву «на хиротонию во епископа» сроком до 15 мая. В период пребывания в Москве архимандрит Даниил жил вместе с братом, священномучеником Иларионом (Троицким; 1886–1929), на квартире протоиерея Владимира Страхова (1883–1938) рядом с храмом Живоначальной Троицы в Листах. В дни перед хиротонией он молился с епископом Иларионом в Сретенской обители. Московский житель Никита Потапович Окунев писал в дневнике, что на службе со среды на четверг Страстной седмицы в Сретенском монастыре объявился «удивительный канонарх <...>. И голос, и чинность, и симпатичнейшая наружность действительного девственника заставили меня расспросить: да кто же это? И я узнал, что это родной брат Илариона архимандрит Даниил»¹⁵.

В крестовом храме преподобного Сергия Радонежского Патриаршего Троицкого подворья Святейший Патриарх Тихон возглавил 26 апреля 1921 года, в Великий Вторник, наречение архимандрита Даниила во епископа Елецкого, викария Орловской епархии, и 30 апреля, в Великую Субботу, хиротонию. В речи при наречении во епископа, записанной Николаем Борисовичем Кирьяновым (1902–1988), иподиаконом священномученика Илариона, архимандрит Даниил говорил: «Не страшны мне гонения, воздвигнутые на Церковь Христову, не страданий боюсь [я] — я готов по капле отдать всю свою кровь за Христа моего, но только бы знать, только верить, что мои страдания принесут пользу Святой Церкви...»¹⁶

После хиротонии епископ Даниил должен был вернуться в Болхов, так как следствие продолжалось. Сохранились свидетельства о почитании архипастыря духовенством и прихожанами. Священник Сергей Бутузов, служивший в Николо-Гончарском храме города Болхова, обращался с таким приветствием: «Дорогой Владыко, видя тебя, окруженного народом, любящим тебя и жаждущим хотя бы одного твоего ласкового слова или взгляда, приветствуем тебя

как Святителя Божия, вместе с народом радуемся приходу в наш храм и вместе с народом просим твоего благословения и молитв пред Престолом Божиим»¹⁷. Прихожанка из Ельца сообщала в письме: «Сколько счастья и радости пришлось пережить мне в далеком Болхове за вашими службами, особенно за всенощной под Успение. <...> Что может дать душе такая живая служба! <...> Многие и за одну неделю успели полюбить вас и будут любить и радоваться за вас где бы вы ни были»¹⁸.

После архиерейской хиротонии владыка Даниил продолжал жить в Болховском Оптино-монастыре. К 14 сентября 1921 года в Орловской епархии было учреждено Болховское викариатство, и он был переведен на Болховскую кафедру¹⁹. В его ведении находился также Мценский уезд.

Второго ноября 1921 года, после обыска, архипастырь был арестован и заключен в Болховский арестный дом, 21 ноября доставлен в Орел. Первоначально его содержали на общих основаниях; 7 декабря перевели в Орловскую центральную изоляционную тюрьму и содержали по первой категории — без права передачи и свиданий. Владыке было отказано в посещении тюремного Спасского храма. Четвертого апреля 1922 года в секретно-оперативную часть Орловской губчека поступило переданное по инстанциям заявление «граждан Ольги Алексеевны и Илариона Алексеевича Троицких» от 3 марта того же года в Наркомюст, в котором они просили расследовать дело и освободить брата или перевести его в Москву, где они могли бы о нем заботиться. Епископ Даниил был освобожден 8 апреля 1922 года под подписку о невыезде из пределов Болховского и Мценского уездов.

В июне 1922 года в Орле состоялся процесс над «церковниками» по обвинению в активном сопротивлении изъятию церковных ценностей. Ввиду ареста правящего епископа Серафима, который пробыл в заключении до 1924 года, епископ Даниил 17 мая 1922 года вступил во временное управление епархией и поручил представителям епархиального духовенства испросить благословения у Высшего Церковного Управления на временное управление епархией²⁰. До дискредитации термина «Высшее Церковное Управление»

обновленцами он использовался в Русской Православной Церкви для обозначения высшей церковной власти²¹. Епископ Даниил, поручая «испросить благословение у Высшего Церковного Управления», имел в виду православный орган высшей церковной власти. Но посланные от Орловской епархии с резолюцией владыки приехали в Москву к тому времени, когда наименование «Высшее Церковное Управление» было присвоено обновленцами своему органу власти. Представители епархии, не зная об истинном положении дел, к 23 мая передали документ в обновленческое ВЦУ, которое использовало его для необоснованного провозглашения епископа Даниила своим сторонником. Митрополит Мануил (Лемешевский; 1884–1968) так пишет об этом: «В обновленческом журнале "Сибирская церковь" за 1922 г. № 2, стр. 16 помещена памятка живоцерковников, в которой они пытались считать архиепископа Даниила сторонником обновленческого течения, но данные не подтвердились. Он остался верен Православию»²².

На основании послания Патриаршего заместителя митрополита Ярославского Агафангела (Преображенского; 1854–1928) от 18 июня 1922 года епископ Даниил временно перешел

на самостоятельное управление епархией и повел непримиримую борьбу с обновленчеством. В сводке 6-го отделения секретного отдела ГПУ от 14 сентября 1922 года, составленной по материалам, полученным с 15 июля по 20 августа, о положении в городе Орле сообщалось следующее: «В борьбе две группы духовенства: обновленческая[,] возглавляемая прот[оиереем] КРЫЛОВЫМ[,] и реакционна[я] — еп[ископом] Даниилом. <...> Еп[ископ] Даниил намеривает[ся] с[ъ]организовать (sic) свое епархиальное управление из верных ему людей, для чего делает попытки к устройству собрания духовенства. Отношение городского орловского духовенства к группе КРЫЛОВА недоверчивое и враждебное»²³.

В сентябре 1922 года священномученик Иларион писал из ссылки родным: «Даниилу предложили быть архи[архиепископом] в Орле, но с условием единения с ЖЦ [живоцерковниками], и дали неделю срока. Он отрекся от этой "чести" и уехал в Болхов, где объединил оо.[отцов] на своей платформе и пока живет там»²⁴; «Наладил я связь письменную с Даниилом. Он со 2-го авг[уста] в Болх[ове]. Когда приезжают из Орла ЖЦ [живоцерковники] — он их не принимает, за своей службой не позволяет слова сказать. Пока держится»²⁵.

Почтовая открытка, посланная епископом Даниилом с этапа, с железнодорожной станции Грязи-Воронежские, сестре Ольге. Архив семьи Троицких (Маслова О. Н., г. Москва) (слева)

Епископ Даниил (Троицкий). 1920-е гг. Фото из архива Троицкого Оптино-монастыря г. Болхова (справа)

Монах Пимен (Извекон). 1 мая 1929 г. (вверху)

Макариево-Решемский монастырь. Сентябрь 1926–1927 гг. Стоят слева направо: диакон Василий Белитский, священник Иоанн Нарбеков, казначей монахиня Гавриила (Зиновьева); сидят: благочинная монахиня Сергия (Михеева), епископ Даниил, игумен Досифей (Ипатов) (внизу)

Двадцать восьмого октября 1922 года владыку Даниила вызвали в губполитотдел и арестовали. Виновным себя в контрреволюционной агитации против советской власти он не признал. В обвинительном заключении Орловского губотдела ГПУ от 15 ноября 1922 года говорилось: «...и тюремное заключение его ничуть не исправило, т. к. он по выходе на свободу стал опять вести такого рода агитацию, в силу которой он, Троицкий, пользуется большой популярностью среди верующих и буржуазного слоя во всей Орловской губ. и [с?] ее окрестны-

ми губернскими городами, а также выяснилась его политфизиономия во время обновленческого движения, когда он, Троицкий, видя то, что обновленческое движение может обнаружить многовекового духовного порабощения (sic) трудящихся, повел усиленную агитацию среди верующих против обновленческого движения, стараясь поддерживать черносотенное духовенство»²⁶.

На заседании Комиссии НКВД по административным высылкам 27 декабря 1922 года по докладу Е. А. Тучкова постановили: выслать епископа Даниила «в Хиву на 2 г. Дело прекратить и сдать в архив 6 отд. СОГПУ»²⁷.

В почтовой открытке, посланной епископом Даниилом с этапа сестре Ольге, он писал: «Еду этапом, будет очень трудно, но Господь поможет». В ссылке жил в городе Пенджикенте, где с епископом Суздальским Василием (Зуммером; 1885–1924) совершил архиерейскую хиротонию священноисповедника архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого; 1877–1961), который подробно описывает это событие в своей автобиографии²⁸.

С 1925 года (не ранее середины апреля) епископ Даниил жил и служил в Москве. После высылки в Среднюю Азию владыке Даниилу власти не разрешили вернуться на Болховскую кафедру, он был выслан (удален от места, где должен был находиться по церковному послушанию) теперь уже в Москву, под надзор, без права выезда, как и многие другие архипастыри. В «Подготовительных материалах для биографического словаря выпускников Санкт-Петербургской духовной академии» 1914 года на листах об иеромонахе Данииле (Троицком) имеются сведения: «В 1925 г. возвратился в Москву»²⁹.

По воспоминаниям протоиерея Василия Евдокимова (1903–1990), который в то время был иподиаконом священномученика Дмитрия (Добросердова; 1865–1937), «вечером 23 ноября (6 декабря) [1925 г.] владыка [Дмитрий] вместе с иподиаконами поехал в церковь великомученицы Екатерины на Ордынке, где был престольный праздник. Всенощную совершал митрополит Петр*, Местоблюститель Патриаршего Престола, в сослужении архиепископа Дмитрия [Добросердова] и епископа Даниила Болховского»³⁰.

В этот период архипастырь стал духовным наставником будущего Патриарха Пимена (1910–1990), который 4 декабря 1925 года был пострижен в Сретенском монастыре в рясофор с именем Платон. «В конце 1925 года Сретенский монастырь закрыли, и инок Платон по приглашению епископа Даниила (Троицкого) начал регентовать в храме Спаса Преображения в Пушкинках, который был недалеко от монастыря на Сретенке. Но вскоре владыку Даниила выслали в Кинешму. <...> Большой портрет архиепископа Даниила долго висел в покоях Святейшего Патриарха Пимена»³¹, который почитал его как своего духовника и в 1977 году благословил поиск его честных останков.

Сергей Николаевич Лисевичкий** пишет: «Богослужения в [Спасо-Преображенском] храме [в Пушкинках] возглавлял преосвященный Даниил... <...> Особенно много народу

и молодежи было в храме по вторникам — после краткой вечерни владыка Даниил произносил проповедь или, вернее, лекцию, в которой раскрывал сущность библейских сказаний и Нового Завета, затем благословлял многочисленных верующих, а хор в это время прекрасно исполнял концерты духовной музыки. <...> Все это... пользовалось популярностью не только у верующих, но и духовенства, особенно у той его части, которая не имела семинарского образования. Естественно, что такая открытая пропаганда христианства вызвала недовольство властей — епископ Даниил вскоре был сослан...»³²

До 2 апреля 1926 года епископ Даниил в числе двадцати пяти архипастырей подписал письмо Заместителю Патриаршего Местоблюстителя, в котором поддерживались канонические меры прещения в отношении ВВЦС³³.

Третьего июля 1926 года в заседании Комиссии по проведению декрета об отделении Церкви от государства постановили: признать пребывание в Москве около 50 епископов

Сидят слева направо: архимандрит Феодосий (Щуплов), епископ Даниил (Троицкий); стоят слева направо: иподиакон Александр Винокуров, иеродиакон Митрофан (Селезнев). г. Рославль. 1929 г. Личный архив иеромонаха Рафаила (Ивочкина) (слева)

Епископ Даниил (Троицкий) и священник Иоанн Макаров у могилы священномученика Илариона (Троицкого). 1930 г. Архив Издательского совета Русской Православной Церкви (справа)

* Священномученик Петр (Полянский; 1862–1937).

** Сергей Николаевич Лисевичкий (1915–1994) был иподиаконом митрополита Трифона (Туркестанова). После смерти владыки Трифона служил иподиаконом при Патриархах Московских и всея Руси Сергии, Алексии I и Пимене.

Уведомление епископа Даниила протоиерею В. Иванову от 14/27 мая 1930 г. Архив Отдела агиологии Брянской епархии. Автограф

«политически вредным и поручить ОГПУ (т. ТУЧКОВУ), не прибегая к арестам, путем предложения каждому в отдельности, — принять меры к выезду наиболее вредных для жительства в монастырях по его (ОГПУ) усмотрению»³⁴.

Епископ Даниил жил на высылке в слободе Решма Кинешемского уезда, служил в Макариевом Решемском женском монастыре до его закрытия в конце 1927 года. По воспоминаниям бывшей насельницы монастыря Дарьи Федотовны Галашевой, которая пережила заключение в лагере, после приезда владыки в монастыре стали регулярно проходить архиерейские богослужения. «В Решме жил владыка Даниил, сослан за проповеди, — рассказывала Дарья Федотовна. — Каждый день ходил отмечаться в [Нагорновский] сельсовет. Ему была вольная высылка. Простой-простой, душевный»³⁵.

Архипастырь постоянно стремился поддерживать связь с находившимся в заключении братом, священномучеником Иларионом. Он не отделялся от митрополита Сергия (Страгородского; 1867–1944) после выхода «Декларации» 1927 года. Первого февраля 1928 года назначен епископом Шадринским, викарием Свердловской епархии, с поручением ему управления Свердловской епархии³⁶. Из последующих назначений следует, что в эту должность владыка Даниил не вступил. В заседании Священного Синода от 11 мая 1928 года оставлен на кафедре епископа Болховского³⁷.

По имеющимся к настоящему времени сведениям, можно предположить, что архипастырь был вновь выслан в административном порядке — на этот раз в Крым. Священномученик Иларион упоминает о нем в письмах в 1929 году: 23 марта [ст. ст.] — «Даниил мне пишет с берегов Черного моря»³⁸. Епископ Никон (Дегтяренко; 1884–1937), находясь в заключении в Мариинских лагерях и узнав о кончине архиепископа Даниила, вспоминал об общении с ним в письме к епископу Тихону (Шарапову; 1886–1937) от 1 (14) мая 1934 года³⁹. Биографические сведения о епископе Никоне позволяют сделать заключение о том, что он мог быть вместе с епископом Даниилом на высылке только в Крыму.

Семнадцатого июля 1929 года владыка Даниил был назначен епископом Рославльским, викарием Смоленской епархии⁴⁰. Ввиду того что в Рославле были закрыты все православные храмы, а преосвященный Орловский Николай (Могилевский; 1877–1955) вынужденно ушел на покой, 27 февраля 1930 года епископ Даниил был назначен епископом Орловским и Мценским⁴¹.

Предположительно в феврале 1931 года, в связи с тяжелой болезнью, епископ Даниил был вынужден выехать из Орла в Москву для лечения. С февраля по сентябрь 1931 года в Орле органами ОГПУ велось следствие, прекращенное в конце октября, по которому главное обвинение предназначалось владыке Даниилу как руководителю «к[онтр]р[еволюционной] церковно-монархической группировки»⁴².

Двадцать девятого апреля 1931 года архипастырь был назначен на Брянскую кафедру⁴³. По благословению епископа Даниила, во избежание поругания от безбожных властей, произошло обретение и перезахоронение святых мощей преподобного благоверного князя Олега Брянского, которые покоились под спудом в Петропавловском женском монастыре города Брянска. В архивно-следственном деле 1937 года перечисляются лица, которые сослужили владыке Даниилу и общались с ним. Всех их обвиняли в участии в контрреволюционной организации. При этом сообщалось, что «Даниил Троицкий был руководителем и вдохновителем организации его единомышленников, группировавшихся вокруг него для борьбы

с Советской властью под флагом защиты Церкви и поддержания веры у населения»⁴⁴. Третьего января 1934 года, «в воздаяние усердного служения Церкви Божией», был возведен в сан архиепископа⁴⁵. Продолжал тяжело болеть. Семнадцатого марта 1934 года последовала его блаженная кончина, о которой он получил извещение свыше. Был погребен в Володарском районе Брянска на небольшом кладбище, которое в 1950-х годах было ликвидировано, могилы осквернены и разграблены. Память об архиепископе Данииле передавалась из поколения в поколение в годы гонений.

В проповеди времен Первой мировой войны он писал: «Возлюбленные братие, в нынешнюю годину бедствий, когда, кажется, нет ни одного уголка так называемого культурного мира, где бы не было стонов и раздоров, наиболее уместно спросить, в чем выражается тот мир, который принес, по ап. Павлу, на землю Господь

наш Иисус Христос... "Той бо [Христос] есть мир наш" (Еф. 2, 14)... <...> ...Эта истина... укажет тебе причину твоих страданий: ты далек от Христа; она укажет тебе, что нет мира вне Его Божественной ограды. <...> Народ русский — вот тот светоч, который должен освещать и согревать страдающий мир... тот народ, который поистине заслужил название народа-богоносца. И Россия, невзирая на свои интересы, неуклонно следовала своему призванию: помогала слабому, противилась гордому, старалась восстановить нарушенный мир, за что, наверное, и получит от Господа венец правды... <...> Будем, возлюбленные братие, почаще с Православною Церковью возносить молитвы о мире Тому, Кто Сам есть основание мира. <...> Аминь»⁴⁶.

Игуменья Сергия (Ежикова), секретарь Комиссии по канонизации святых при Епархиальном совете города Москвы

¹ Христианское чтение. Ежемесячный журнал, издаваемый при Императорской Санкт-Петербургской духовной академии. 1914. № 3. С. 39.
² Вестник археологии и истории, издаваемый Санкт-Петербургским археологическим институтом. 1914. Вып. XXII. С. 20–21.
³ Формулярный список от 28.10.1915 // ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 6762. Л. 3–5. Даты по 1915 г. приводятся по данному списку.
⁴ Холмская церковная жизнь. 1914. № 4. Часть неофиц. С. 137–144.
⁵ Тульские епархиальные ведомости. 1916. № 15–16. Часть неофиц. С. 195–200.
⁶ Тульские епархиальные ведомости. 1916. № 19–20. С. 215–217.
⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. 1 отд. 5 стола. Д. 409. Л. 5.
⁸ Краюхин Д. А. Лицом к лицу... (Послереволюционная судьба Орловского церковного историко-археологического общества) // Реквием. Книга памяти жертв политических репрессий на Орловщине. Т. 4. Орел, 1998. С. 297–303.
⁹ По нашему краю. Болхов (Хроника) // Орловский вестник. 1918, 6 (19) февраля. № 29. С. 3.
¹⁰ Крестный ход // Орловские епархиальные ведомости. 1918. № 3–4. С. 89–90.
¹¹ Архив УФСБ РФ по Орловской обл. Арх.-след. д. 6591-П. Л. 3.
¹² РГИА. Ф. 831: 1918 г. Оп. 1. Д. 5. Л. 50.
¹³ Архив УФСБ РФ по Орловской обл. Арх.-след. д. 3871-П. Л. 121 об., 183.
¹⁴ Обстоятельства расследования хищения и репрессий 1921–1922 года в отношении еп. Даниила в Орловской губернии излагаются по материалам арх.-след. д. 3871-П.
¹⁵ Окунев Н. П. Дневник москвича, 1917–1924: в 2 т. Т. 2. М.: Воениздат, 1997. С. 135–136.
¹⁶ ЦА ФСБ РФ. Арх.-след. д. № Р-44494 по обвинению Н. Б. Кирьянова (1929 г.). Л. 58–59 об.
¹⁷ Архив УФСБ РФ по Орловской обл. Арх.-след. д. 3871-П. Л. 295 об.
¹⁸ Там же. Л. 207–208.
¹⁹ Письмо Н. В. Нумерова митр. Антонию (Храповицкому) от 1 (14) сентября 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 119 об.
²⁰ Архив УФСБ РФ по Орловской обл. Арх.-след. д. 3871-П. Л. 462.
²¹ Например: Постановление Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета от 7/20 ноября 1920 г. № 362 // Церковные ведомости, издаваемые при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви Заграницей. 1926. № 17–18. С. 6–7.
²² Мануил (Лемешевский В. В.), митр. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 г. (включ.). Т. 3. Erlangen, 1979–1989. С. 22–23.
²³ Архивы Кремля. Политбюро и Церковь, 1922–1925 гг.: в 2 кн. / подгот. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. Новосибирск: Сиб. хронограф; Москва: РОССПЭН, 1997–1998. Кн. 2. 1998. С. 311, 316, 317.
²⁴ Письма сщмч. Илариона (Троицкого) к Архангельским. Архив К. А. Никитского (г. Тула): рукопись; машинописная копия. Л. 97–98.
²⁵ Там же. Л. 119–120. Дата письма уточнена по рукописи. В машинописи дата 29 сентября 1929 г. контексту письма не соответствует.
²⁶ Архив УФСБ РФ по Орловской обл. Арх.-след. д. 3871-П. Л. 474.

²⁷ Там же. Л. 478.
²⁸ Лука (Войно-Ясенецкий), свт. Я полюбил страдание: Автобиография. М.: Сибирская Благовонница, 2017. С. 55–59.
²⁹ ОР РНБ. Ф. 573. Архив СПб. духовной академии. Оп. 2. Ч. 1. Д. 195. Вып. 1913.
³⁰ Покоев К. Соль земли: Памяти отца Василия Евдокимова // Московский журнал. 1991. № 12. С. 22.
³¹ «Было пролетает...». Патриарх Пимен и его время / публ., сост. и истор. коммент. архим. Дионисия (Шишигина). М.: ОАО «ГУП ЭКОНОМИКА»; храм свт. Николая в Покровском, 2010. С. 48, 595.
³² Лисевичий С. Н. Из воспоминаний [1993 год]: Свидетельства современников о митрополите Трифоне // Трифон (Туркестанов), митр. «Любовь не умирает...»: Из духовного наследия. М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2007. С. 585–587.
³³ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943: в 2 ч. / сост. М. Е. Губонин. М.: ПСТБИ; Братство во имя Всемилостивого Спаса, 1994. С. 449–450.
³⁴ Протоколы комиссии по проведению отделения Церкви от государства при ЦК РКП(б) — ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 353. Л. 18). М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. С. 192–193.
³⁵ Зонтиков Н. А. Макариево-Решемский монастырь: веки истории. Кинешма: Макариев-Решемский женский монастырь Кинешемской епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат), 2019. С. 382–383, 645.
³⁶ Архивная справка Архива Московской Патриархии № 29 от 11.01.2022 по источнику: Журналы Священного Синода за 1928 г., рукопись. Постановление № 24 от 1 февраля 1928 г.
³⁷ Архивная справка Архива Московской Патриархии № 29 от 11.01.2022 по источнику: Журналы Священного Синода за 1928 г., рукопись. Постановление № 106 от 11.05.1928.
³⁸ Письма сщмч. Илариона (Троицкого) к Архангельским. Архив К. А. Никитского (г. Тула): рукопись; машинописная копия. Л. 114–115.
³⁹ Архив ПСТГУ.
⁴⁰ Архивная справка Архива Московской Патриархии № 29 от 11.01.2022 по источнику: Журналы Священного Синода за 1929 г., машинопись. Постановление № 92 от 19.07.1929.
⁴¹ Архивная справка Архива Московской Патриархии № 29 от 11.01.2022 по источнику: Журналы Священного Синода за 1930 г., машинопись. Постановление № 23 от 27.02.1930.
⁴² Архив УФСБ РФ по Орловской обл. Арх.-след. д. 6591-П. Л. 161.
⁴³ Архивная справка Архива Московской Патриархии № 29 от 11.01.2022 по источнику: Журналы Священного Синода за 1931 г., машинопись. Постановление № 76 от 29.04.1931.
⁴⁴ Архив УФСБ РФ по Брянской обл. Арх.-след. д. 10877-П. Т. 1. Л. 133.
⁴⁵ Журнал Московской Патриархии. 1934. № 20–21. С. 8.
⁴⁶ Рукопись почерком архиепископа Даниила (Троицкого) в материалах архивно-след. дела 1922 г. № 3871-П (архив УФСБ РФ по Орловской обл.). Л. 275–276.

Речь архимандрита Даниила (Троицкого), произнесенная им при наречении во епископа Болховского¹, викария Орловской епархии, в храме Патриаршего подворья 13 апреля ст. ст. 1921 года²

Ваше Святейшество!
Богомудрые Архипастыри!

Наступил великий час в моей жизни, час, в который я должен воспринять через ваше руковозложение благодать архиерейства. С великим смущением, с великим смятением душевным предстою я ныне пред вами, архипастыри Церкви Христовой. Ведь здесь, пред вами, должна произойти проверка всей моей жизни и деятельности, здесь — суд над моей совестью, над моими желаниями и надеждами. Высокое служение архиерейское, к которому я призываюсь, смущает и волнует мою бедную душу. Отныне я должен право править слово Истины, отныне я должен быть всем вся, отныне за каждой Литургией, которую я буду совершать, мне будут громко во всеуслышание напоминать: *Тако да просветится свет твой пред человеки, яко да видят добрая дела твоя и прославят Отца нашего, Иже есть на Небесах!* (ср. Мф. 5, 16).

С этого дня должен быть полный переворот во всей моей жизни, настроении, деятельности, отныне я в муках рождения, пока в пасомах моих не отобразится Христос. Сознаю всю высоту моего звания, слыша великие заповеди апостола о том, какову подобает быть епископу, а посему со страхом предстою я суду вашему, святители Божии.

Открыта пред вами душа моя, но совесть моя свидетельствует против меня, и что я скажу против этого неподкупного свидетеля. Увы мне, окаянная душе! Как мало я вижу за собою добрых дел, не имам дел, оправдывающих меня. Вспоминается вся жизнь с самого детства. Сколько там было сомнений, сколько тревог, сколько опасностей, сколько бурь, готовых поглотить мою душу!.. Иногда казалось, что все уже погибло, что уже нет надежды на спасение,

[воз] рождение, обновление. Но как была велика милость Господа ко мне, грешному. В минуты самых тяжелых испытаний, в минуты великих опасностей простирал Он ко мне руку Свою, сквозь разъяренный [рев?] страстей слышался Его кроткий, любящий голос: «Малове! что усомнился еси?» И опять в Нем успокаивалась душа, опять возгоралась любовью к Нему, Единому, бесценному. Любовь к Нему спасла от сомнений и от падений. И эта любовь к Господу Спасителю, любовь к Его Святой Церкви, любовь к службе Божией не оставляла меня [с] самых дней моего детства. С самых первых дней моей сознательной жизни храм Божий был самым дорогим и любимым местом, где душа моя научилась познавать, что такое религиозный восторг. В дни великих праздников, в светозарную ночь Воскресения упивалась душа моя радостью и неземным восторгом, [и] трепетала в присутствии Бога, и рвалась навстречу Небесному Жениху.

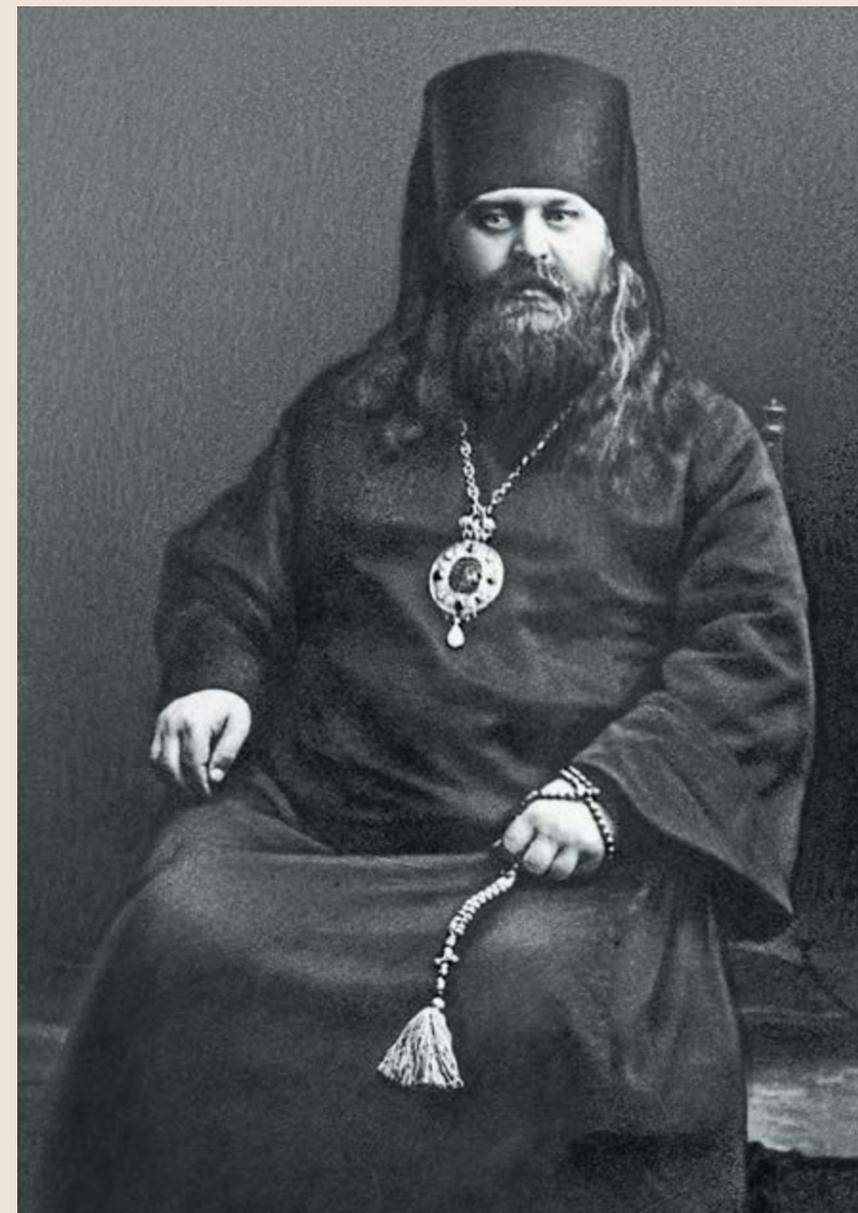
Прошли дни детства, наступила юность с зноем страстей, с порывами и увлечениями. Влекла к себе мировая жизнь с [ее] прелестями, с ее обманчивой красотой. Западали сомнения в душу, и часто она готова была воспринять мир и поработиться ему. Но может ли что победить любовь! Она оставалась в душе, тихим воплем будила спящую совесть и еще сильнее влекла к любимому Господу. И Господь шел навстречу моей смятенной душе, Он посылал мне Своих ангелов, которые укрепляли и поддерживали меня в минуты великих опасностей. Благодарю Господа моего, [что] Он сподобил меня в моей жизни видеть истинных служителей Его Церкви, право правящих слово истины. Их светлая жизнь, их добрый пример, их ревность по Бозе подвигли меня окончательно отдаться служению Церкви Божией, приметатися к Дому Бога

моего паче, неже жити ми в селениях грешных. И в монашестве даровал мне Господь наставника мудрого, чуткого и любвеобильного, который понимал мою немощь и помогал переносить [все?] горести моей жизни с терпением и надеждой на Бога.

Вот те воспоминания, которые теснятся в моей голове. Ими [о]веянный, ими укрепленный стою пред вами, святители Божии. [Мне] ли напоминать, мне ли говорить о том тернистом пути, на который зовет меня Господь. Только люди далекие от Церкви и жизни церковной могут не понимать и не знать о тяжести креста, который возлагается на плечи вместе с архиерейским омофором. С надеждой на помощь Божию склоняю свою выю под ярем святого омофора. С этой любовью к моему Спасителю, с этой надеждой на Его Божественную помощь не страшны все трудности архиерейского служения. Пусть в настоящее время жизнь епископа полна страданий, гонений, унижений, но ведь не свой позор, а Его позор несем мы в наши дни. Страдать за Любимого, какое это счастье, какая это радость! Одного боюсь я, [одно] устрашает меня в моей будущей деятельности — я боюсь, что своим служением не принесу пользы Святой Христовой Церкви. Тяжелое время переживает Церковь. Со дна русской жизни поднялась вся грязь, вся муть житейская и яростно набрасывается на корабль Церкви Христовой, желая если не потопить ее, то загрязнить, забросать грязью чистую Невесту Христову. А сколько нужно мудрости, сколько такта, сколько опытности, чтобы вести корабль Христов! Как во время бури должен быть тверд и опытен рулевой! Малое дрожание руки, незначительное отклонение в сторону может погубить все дело. Вот чего я боюсь, святители Божии. Не страшны мне гонения, воздвигнутые на Церковь Христову, не страданий боюсь [я] — я готов по капле отдать всю свою кровь за Христа моего, но только бы знать, только верить, что мои страдания принесут пользу Святой Церкви. Святители Божии, помолитесь о мне

грешном, помолитесь, чтобы Господь возгревал в моей немощной душе огонь любви Его, поддержите, научите меня ходить по тому тернистому пути, по которому вы сами идете...

Спаситель мой! к Тебе простираю мои немощные руки, к Тебе взываю из глубины сердца моего: «Не отврати лица Твоего от отрока Твоего, буди, Господи, милость Твоя на нас, якоже уповахом на Тя...»

Архиепископ Даниил (Троицкий). Фото из архива семьи священномученика протодиакона Серафима Василенко. 1931–1934 гг.

¹ Должно быть Елецкого.

² ЦА ФСБ РФ. Арх.-след. д. Р-44494 по обвинению Н. Б. Кирьянова (1929 г.). Л. 58–59 об. Рукопись. В квадратных скобках даны слова, недоступные для копирования из-за того, что левая часть листа зашита в переплет дела. Копия находится в архиве Научно-исследовательского отдела новейшей исто-

рии Русской Церкви ПСТГУ. Речь архимандрита Даниила при наречении во епископа была записана Николаем Борисовичем Кирьяновым, иподиаконом священномученика Илариона (Троицкого), который, очевидно, сослужил Святейшему Патриарху Тихону при наречении и хиротонии своего брата. Текст приводится по рукописи.